

УДК 316.7

Дискуссия об актуальном искусстве в современном Российском обществе (диалог Церкви и арт-сообщества)

Суслова Раиса Анваровна

Кандидат исторических наук, доцент,

Казанский национальный исследовательский технологический университет,

420015, Российская Федерация, Казань, ул. Карла Маркса, 68;

e-mail: plusha131333@yandex.ru

Аннотация

Работа посвящена анализу основных аспектов диалога современного российского арт-сообщества и Русской Православной Церкви в отношении актуального искусства. Анализируется история художественных акций в современной России, приводятся примеры взаимного интереса и взаимодействия христианского и актуального искусства, а также опыт неприятия и негативной реакции Церкви в отношении произведений и акций, тематически пересекающихся с православной традицией. В статье анализируются основные оценки и взгляды представителей арт-сообщества, кураторов, искусствоведов и деятелей Церкви в отношении актуального искусства. Затрагиваются и рассматриваются ключевые моменты расхождения во взглядах на современное искусство, причины взаимного непонимания и возможные точки соприкосновения в трактовках и стратегиях развития актуального искусства в нашей стране. Исследуется проблема медиа-сферы и ее влияния на актуальное искусство, остающееся явлением преимущественно элитарным, и на институты Церкви, остающимися в рамках традиции. Делается вывод о возможности и желательности и необходимости диалога современной российской художественной элиты с православным сообществом на основе глубокого духовного понимания механизмов и целей творчества в условиях тотального господства массовой культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Суслова Р.А. Дискуссия об актуальном искусстве в современном Российском обществе (диалог Церкви и арт-сообщества) // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 522-535.

Ключевые слова

Актуальное искусство, акционизм, Православная Церковь, постмодерн, арт-критика.

Введение

Современная социокультурная ситуация характеризуется взрывным развитием медиа-сферы. При многочисленных положительных и отрицательных сторонах этого явления, СМИ и сетевые технологии общения с одной стороны унифицируют мышление, создавая стереотипные модели видения мира и поведения, но, с другой стороны, одновременно, размыывают и расшатывают любой универсальный проект (к примеру, социальные или религиозные идеи), подвергая его всесторонней критике и субъективной интерпретации. По мнению исследователя Б. Гройса, в контексте глобальной сети универсальное принимает характер имперсонального потока знаков: «Любой универсалистский проект, чтобы оставаться подлинно универсальным, должен быть предохранен от коррумпированности партикулярными целями. Но коль скоро универсальный проект задуман как открытый и общедоступный, он неминуемо будет коррумпирован, поскольку реализация такого проекта предполагает компромисс с существующими институциями и частными интересами. Единственный способ этого избежать и сохранить универсальность такого проекта и чистоту его воплощения – это как можно более радикально обособить его от внешнего мира, сделать его недоступным и непрозрачным. Другими словами, универсальное в нашем партикулярном мире может функционировать только в форме заговора и только в условиях строгой конспирации. В противном случае оно будет немедленно коррумпировано и искажено» [Гройс, 2012].

Всякую истину сетевые технологии делают партикулярной. Эта логика распространяется не только на политические или социальные проекты, но и на эстетические практики современности. Религиозный взгляд на искусство исходит из убеждения, что источник духовности – Бог. Чтобы сохранить чистоту данного подхода, позиция Церкви должна быть либо абсолютно закрыта, чтобы не быть скомпрометированной, либо, в условиях плюралистического мира, не должна претендовать на универсальность. И та, и другая позиция не приемлемы для Церкви, т.к. ее миссия – благая весть о Спасителе, которую должно транслировать, в том числе, и искусство.

Основная часть

Актуальное искусство (contemporary art), однако, плюралистично по своей сути и с тезисом о Боге как источнике духовности соглашаться не спешит, более того, само это утверждение подвергает «дерридеанской деконструкции». Отсюда то напряжение, взаимонепонимание и те взаимные обвинения между Церковью и арт-сообществом, которые сопровождают общественную жизнь нашей страны в последние годы.

Сложность этой ситуации добавляют и глубокие социокультурные сдвиги последних десятилетий в сфере бытования искусства. Та его часть, которую называют актуальным искусством, сегодня представляет собой почти герметичную общность художников, кураторов и критиков, с небольшой аудиторией зрителей в крупных городах нашей страны. Как правило, финансируют и выставляют актуальное искусство частные галереи и фонды.

Проблема заказчика в современном искусстве крайне актуальна. По мнению исследователя Вагановой Н.А.: «...исторически Церковь всегда выступала крупнейшим заказчиком искусства, но в сегодняшнем мире она осталась единственным традиционным общественным институтом такого рода, в то время как почти все прочие – монархии, аристократия, буржуазия и даже крестьянство – либо сошли со сцены, либо переключили свои заказы на другие способы обустройства среды собственного обитания. Государство и бизнес, эпизодически выступая в этой роли, преследуют собственные идеологические и коммерческие цели, а частный массовый заказчик (не важно, традиционной масляной живописи или актуального искусства), каким была, например, голландская буржуазия XVII в. – сегодня это фантом» [Ваганова, www].

Еще недавно, в СССР, главным заказчиком и куратором искусства выступало государство. Все, что не было санкционировано государством, уходило в андеграунд и диссидентство. В этот период можно говорить о сближении судеб православия и нонконформизма перед лицом тоталитарной идеологии. Освободившись от гнета тоталитаризма, Церковь вступила в эпоху возрождения, восстановления и строительства. С присущими Ей жаждой переустройства жизни и активного миссионерства, Церковь получила при этом поддержку государства. Тогда как независимое, экспериментальное, актуальное искусство осталось один на один с тотальным диктатом массовой культуры, без финансовой и информационной поддержки государства, без популяризации и без широкой аудитории, что и породило новые формы искусства, обладающие собственным художественным языком и, подчас, пропитанные протестной интонацией.

О сложности для восприятия и своеобразной «закрытости» актуального искусства рассуждает одна из наиболее видных представителей арт-сообщества, куратор и искусствовед

Екатерина Деготь: «Вообще современное искусство, как и фундаментальная наука, – область сложная, требующая образования, и я бы не советовала судить о нем тем, у кого даже с русским языком есть определенные проблемы... Актуальное – не значит модное, это значит реагирующее на современные проблемы, общественные, политические и эстетические. Форма и стиль не имеют к этому никакого отношения... Критерии такие: убедительность формы и глубина содержания, которое должно задевать и трогать интеллектуально или эмоционально. Если говорить совсем кратко, то произведение является хорошим, если оно тревожит и беспокоит (а не убаюкивает красотой и гармонией, например)» [Деготь, www].

Весьма показательно при этом, что отношение художников и галеристов к религии и вере в Бога представляет полярный спектр мнений. Та же Е. Деготь на вопрос о миссии кураторов стремиться не только к наживе, но и к Богу, лаконично ответила: «Бога нет. Вот все, что я хотела бы сказать в ответ на этот вопрос» [Там же]. Пример противоположного мнения высказывает Ольга Свиблова – академик Российской академии художеств и руководитель мультимедиа Арт-музея: «В искусстве меня восхищает то, что дает Бог. Дает необязательно на всю жизнь; я условно называю этот подарок «бриллиантом безумия». Это что-то, что ты рационально породить не можешь, чем владеет кто-то другой. Бриллиант может блеснуть в любой области творчества...».

Анализ современной культуры и ее взаимоотношения с Православной Церковью – острая и болезненная тема. В новейшей истории России мы видели немало примеров взаимного интереса и взаимодействия христианского и актуального искусства. Примерами могут быть синтетический арт-проект "Предстояние/deisis" (2004 г.) художника Константина Худякова совместно с В. Бондаренко и Р. Багдасаровым, посвященный интерпретации священной истории христианства, или «Евангельский проект» Дмитрия Врубеля и Виктории Тимофеевой (Пермь, 2009 г.), или «Сtereo-Апокалипсис» Константина Худякова (2010 г., Москва, Галерея "Триумф").

Другие примеры соприкосновения христианской тематики и актуального искусства – выставки «Хлеб Неба» Гора Чахала (Москва, 2010), "Icons" (куратор М. Гельман, Санкт-Петербург, 2012), «Искусство и религия в пространстве современной культуры» (Москва, 2013), «Образ иконы. Современное религиозное искусство» (Москва, 2013) и др. Отдельно следует выделить выставку «Двоесловие/диалог» (Москва, 2010), прошедшую в храме святой Татианы при Московском университете, где кураторами выступали художник Гор Чахал и дьякон Феодор Котрелев. Основной посыл этих выставок может быть выражен словами художника Гора Чахала о том, что «секулярное общество и, как следствие этого, секулярное искусство, заходит в тупик... спасение как искусства, так и общества лежит в одухотворении

их жизни. Это может сделать только вера», протоиерея Максима (Козлова) о необходимости выработать «навык отличия непривычной формы от корябого содержания», а также иеромонаха Макария (Маркиш) о том, что если художник, независимо от вероисповедания, открывает истину, то его искусство – христианское: «Церковь становится силой, выходящей за пределы церковной ограды. И миссионерское начало Церкви замечательно соединяется с различными жанрами и аспектами современного искусства».

Однако, после выставок «Осторожно, религия!» (2003 г. в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова), «Запретное искусство — 2006» (2007 г. там же, куратор выставки Андрей Ерофеев), «Духовная брань» (художник Е. Мальцева, 2012 г. в Центре современного искусства «Винзавод»), и, особенно, выступления панк-группы PR в храме Христа Спасителя в Москве (2012 г.), взаимоотношения Церкви и арт-сообщества резко обострились. В целом, актуальное искусство стало восприниматься общественным, и прежде всего православным, сознанием как провокационное и разрушительное. Данная точка зрения является продолжением позиции о. Александра Шмемана, который писал в дневниках о современном культурном опыте: «...это опыт только негативности, восстания, протеста... Нужно отвергнуть всю современную культуру в ее духовных – ложных, даже демонических – предпосылках» [Шмеман, 2013].

Весьма показательны в этой связи слова одного из крупнейших российских искусствоведов Саввы Ямщикова, выступавшего в качестве эксперта в суде после выставки в Сахаровском центре:

«Защита: ...Концептуальное искусство входит в сферу Вашего интереса?»

Специалист Ямщиков: Входит. Как разрушающее основы мирового порядка».

Протоиерей и искусствовед Борис Михайлов обвиняет современных художников в профанации ценностей и сакральных образов и отказывает в признании современной художественной жизни искусством: «Я глубоко убежден, что понятие «искусство» применимо только к творчеству старых мастеров, к искусству Ренессанса и Нового времени, которое было сознательно разрушено авангардистами в начале XX века». Актуальных же художников называет «плохими художниками», которые выражают свое время и являются его визитной карточкой.

После судов в защиту чувств верующих и действий православных активистов и казаков (выставка галериста Марата Гельмана «ICONS» в Краснодаре в 2012 г., выставка Вадима Сидура в Манеже в августе 2015 г.) церковная среда стала, зачастую, восприниматься светским художественным сообществом как костная и агрессивная, а обращение к христианским образам и символам чуть ли не табуированной темой в искусстве. Современное

искусствознание отстаивает свободу обращения художника к христианским образам и мотивам. Резкой критике подвергает строгую церковную позицию в отношении современного искусства историк и культуролог А. Эпштейн, который называет очевидным, что все мыслящие люди имеют право задумываться и переосмысливать понятия, являющиеся частью религиозных канонов: «...если мы попытаемся изъять сакральные темы и сюжеты из творчества художников Возрождения, например, у нас практически ничего не останется... Поэтому любому художнику, который хочет начинать не с чистого листа, а вести диалог с предшествующей художественной традицией, необходимо с сакральными сюжетами соотноситься. И когда церковь лишает его этого права, требуя своей визы на любое обращение к сюжетам религиозного содержания, получается, что художника насильственно отделяют от всей предшествующей истории искусства как таковой. И это мне кажется совершенной катастрофой для развития искусства» [Эпштейн, 2012].

Можно сказать, что с 2013 г. диалог церкви и арт-сообщества почти прекратился, выставка «Двоесловие» была раскритикована, продолжения совместных художественных акций не последовало. Сегодняшняя ситуация во взаимоотношениях может быть охарактеризована в диапазоне от настороженности до скрытой враждебности.

Подобная ситуация вызвала целый ряд серьезных аналитических исследований современного искусства с точки зрения православия. Среди самых значительных следует указать работы А. Яхнина «Антиискусство. Записки очевидца» (2011), О. Николаевой «Православие и творчество» (2012) и о. А. Шаргунова «Культура и антикультура» (2014). Общая позиция авторов – критическая оценка культуры XX века и современности как антихристианской. Даны развернутые или краткие оценки философии от Ницше до постструктуралистов, даны описания множественных кощунственных примеров в литературе, кинематографе, рок-музыке, описаны провокационные выставки и антиклерикальные акции современных деятелей культуры. Как пишет о. А. Шаргунов: «Мы можем видеть, как постепенно происходит в истории деградация культуры: религия, потом гуманизм, так называемые «общечеловеческие ценности», а потом, оказывается, и от этого легко можно отказаться. Последним этапом будет, и это сейчас уже происходит, попытка соединения религии с самым растленным злом, освящение зла, романтизация дьявола. Сегодняшняя массовая культура не только глубоко атеистична — она глубоко демонизирована. Идет как бы служение бесам»[Шаргунов, 2014].

Мысль о демонизации современной культуры излагает и А. Яхнин, рассматривая ее на примере русского авангарда: «...разговор о «западном» или «особом» пути России – в принципе невозможен в контексте сегодняшней культуры, оккупированной сектой

контемпорари арта, поскольку в таком виде эта культура не имеет, по сути, отношения ни к «Западу», ни к «Востоку», а является эманацией всеобщего вненационального революционного духа разрушения и смерти. ... Поиски религиозного смысла в искусстве вне Христа неизбежно приводят к оккультизму и служению демоническим силам» [Яхнин, 2011].

Одно из самых интересных исследований о природе творчества – работа Олеси Николаевой. Автор весьма убедительно доказывает, что современная культура пронизана Богоборчеством: «Постмодернизм идет дальше Ницше – он не просто "убивает Бога", он превращает его в китч, в бибабо, в картонную маску, которую вольно примерить на себя любому энтузиасту, дерзнувшему писать собственное "евангелие"». Главным же предметом исследования становится искажение понимания творчества современностью, которое становится не благодатью, связывающей человека с Богом, а «...формой самовыражения личности, причем личности, взятой в ее случайности, в ее эмпирической, физической и психической неустроенности» [Николаева, 2012].

Пересоздание мира в постмодернизме, с его диктатурой плюрализма и игровой сутью приводит, по мысли автора, к «чувственной бесчувственности». Аргументированная, убедительная, изобилующая примерами критика современной культуры, тем не менее, вызывает некое недоумение – почему автор, поднимающий проблему творчества и его православного понимания, видит и описывает в современности исключительно разрушительные и оскорбительные тенденции и сюжеты? Да, современная культура, как массовая, так и элитарная, десакрализованы, да, православная Церковь испытывает оскорбления, нападки, а зачастую, и откровенную вражду с их стороны. Но проблема творчества в современном мире не может сводиться к этой констатации, т.к. главная проблема творчества – это проблема вдохновения. И здесь мы вступаем в область самую загадочную и самую важную, однако, эта тема рассмотрена в исследовании вскользь.

Пожалуй, самая большая проблема, которая не решается современными православными исследователями, это вопрос о возможности признания актуального искусства подлинным творчеством. Не раз упоминает О. Николаева имя святителя Григория Паламы, но приводит его идеи как антитезу актуальному искусству, хотя трактовать идеи великого богослова, на наш взгляд, можно несколько иначе. Свт. Гр. Палама еще в XIV в. высказал идею, что стать причастником «Божеского естества» можно лишь по благодати или по энергии. Именно такой ход богословских рассуждений позволяет нам не отвергать догматическую антиномию об абсолютной трансцендентности Бога и о реальной возможности единения с Ним. Эту Божественную энергию, возможно, и следует считать тем даром или озарением, который мы называем талантом и вдохновением.

Согласно учению исихастов, все творение является не энергией Божией, но результатом энергии. Возможно, и творчество художника – плод вдохновения, плод той самой открытой человеку, дарованной Божественной энергии. А вот результат зависит от человека, его осознания и способности воплотить эту энергию в материальную, земную сущность: «А поскольку божественные и обоживающие озарение и благодать есть не сущность, а энергия Божия, то она представляется не только в единственном, но и во множественном числе. Соразмерно сообщаемая тем, кто причаствует ей, она, соответственно способности воспринимающих [ее], посылает им большее или меньшее обоживающее осияние».

Безусловно, речь не идет о тотальном признании боговдохновенным любого творчества, и, тем более, об оправдании многих примеров циничного и, порой, кощунственного актуального искусства. Речь идет о природе творчества и вдохновения, которая не решена до сих пор ни искусствоведами, ни богословами. В этой связи, слова свт. Гр. Паламы о «соответственной способности воспринимающих», думается, могут служить некоей подсказкой, для понимания творчества: творческий импульс, как и талант даются свыше, природа вдохновения надмирна, это есть момент бытия человека «по образу Бога», но использовать эту энергию вдохновения человек может по-разному: служить Горнему миру или «миру сему» и здесь – проявление той самой свободы, дарованной человеку Богом.

Архимандрит Киприан (Керн), исследуя антропологию свт. Гр. Паламы, рассуждает о творчестве, как о задании человеку после изгнания из Рая, но, по словам О. Киприана «догматически ясного, так сказать благополучного решения этого вопроса, нам искать не приходится. Его нет...». Сравнивая термины «культ» и «культура», автор называет подлинным творчеством лишь то, что стоит перед лицом смерти, вечности и Бога. Это не значит, что благословенно только храмовое творчество. Мирская культура тоже может быть доступна для этого благословения: «Есть что-то в каждом творчестве (мысль, наука, искусство), что в себе содержит семя вечности, свой «семенной логос», роднящий его с Первоисточником Премудрости, с Предвечным Логосом... Есть какой-то смысл, какой-то логос творчества, нами еще невидимый и непостижимый. Отрицать его было бы величайшей бессмыслицей. Это значило бы отнимать божественный смысл назначения человека... Однако две опасности могут тут подстергать испытующую мысль: 1. соблазн оптимизма, переоценивание значения творчества, признание за ним непреходящей и абсолютной ценности, и 2. соблазн пессимистического отношения, уничтожения культуры и гнушения ею во имя благочестия».

Так неужели современное актуальное искусство следует полностью заклеить и отвергнуть, как «постмодернистское обезьянничание», что прослеживается в современных

православных исследованиях? Возможно ли признать, что актуальные художники, постмодернисты и акционисты, томимы «духовной жаждою», и им может быть дано свыше чувство вдохновения? Представляется, что в ответе на этот вопрос более выдержанной и по-христиански взвешенной («обличение в духе кротости»), выглядит позиция О. Киприана: «... дано нам знать две истины: 1. мы созданы творцами и должны творить, и 2. плоды нашего творчества уничтожатся вместе с этой планетой, но не пропадут, а преобразятся. Нельзя поэтому творчеству придавать значения тайнодействия, вставлять его в рамки церковного обихода, и тем спутать два плана: церкви и культуры. Культуру надо религиозно осмысливать и церковно оправдывать, но нельзя смешивать этих планов. Церковь, конечно, не только не сожигает культуру во имя спасения души (Савонарола и под.), но даже и благословляет ее. Но культура тем не менее остается мирскою, и в этом нет ничего плохого. Культура все же стоит на ином плане, чем богослужение, мистика, аскетика, литургия и т. д. Кроме того и в самой культуре есть и могут быть области более доступные действию преобразующих лучей Фавора, и более от него удаленные. Есть сферы культурного творчества, которые могут быть просветлены и освящены; есть и такие, которые никогда не преобразятся» [Керн, www].

Возможно, чем более сложным, новаторским, и даже провокационным выглядит актуальное искусство, тем больший интерес оно должно вызывать у Церкви. Возможно, в таком искусстве бьется мысль, происходит живой поиск ответов на мучающие вопросы, и ищущий художник точно не «теплохладный» человек. Не бояться, не отрекаться, а знакомиться, разбираться и «отделять зерна от плевел» в дискуссии, которая могла бы быть полезной для обеих сторон – вот, вероятно, один из путей выхода из современной ситуации.

В качестве примеров такого дискуссионного современного искусства хотелось бы назвать таких авторов, как Виталий Пушницкий (серия работ «Свет» и др.), Андрея Кузькина (проекты «Право на жизнь» или «Герои левитации»), творческий дуэт МишМаш (Мария Сумнина и Михаил Лейкин с инсталляциями «Будь мягче!» или «Объем желаний или различные виды пустоты»). Их произведения не относятся к религиозному искусству, но глубокое осмысление их возможно только в свете христианского миропонимания.

Самое же главное и самое обидное, что Церковь сегодня оказалась в стороне от напряженно и динамично развивающегося художественного процесса. Все вышеупомянутые в качестве примеров актуального искусства произведения напрямую не связаны с христианской тематикой: ни в названиях, ни в образах нет ничего, что могло бы привлечь внимание или оскорбить Церковь. Но содержание этих работ, поднимающих самые глубокие христианские проблемы и решающих их крайне неоднозначно и новаторски, так же ускользнуло из поля зрения верующего человека. Оценка, дискуссия, популяризация или,

наоборот, серьезная богословская и предметная критика таких произведений крайне необходимы современному российскому обществу. Тем более, что и на уровне «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» принято положение, согласно которому «светская культура способна быть носителем благовестия».

Проблема современной православной культуры еще и в том, что пытаясь справиться со своими опасениями быть неверно понятыми в своих основаниях веры или быть оскорбленными, происходит защита не только от вызовов, но и от возможности слышать призыв. По мнению исследователя и философа А. Филоненко, «...культура воспринимает реальность через опыт возвышенного, лишаящего нас дара речи, вводящего нас в мир травмы через события боли, утраты, смерти, ужаса, страдания и печали. И тут первым делом богословия становится крайне актуальное искусство — умение во встрече с реальностью расслышать призыв» [Филоненко, www]. Другой аспект этой проблемы рассматривает Алексей Сосна, директор Центра современного искусства (Москва): по его мнению, в современном искусстве продолжает быть актуальным искусствоведческий термин конца XX в. «грязное искусство, чистая душа». Самый радикальный художественный жест является своеобразной формой исповеди. Если человек воцерковлен, потребность очистить свою душу для него реализуется на службе, в таинстве исповеди, но если художник не связан с церковными институтами, то вряд ли возможно его осудить за то, что свои часто негативные эмоции он выплескивает в виде своих собственных произведений: «...поскольку Павел прежде, чем стать апостолом Павлом, был Савлом. И эту способность покаяться и весь свой пламень, я не побоюсь использовать слово "богоборчество", он может впоследствии употребить во славу Христову. Не нам судить этого художника» [Сосна, www].

Один из виднейших искусствоведов современной России Виктор Бычков, дающий убийственную характеристику современной культуры как явления апокалиптического, и рисующий крайне пессимистическую картину «пост-культуры», говорит: «Может быть (сознательно или внесознательно), современный художник острее, чем мы, простые смертные, ощущает бессмысленность, кризисность, безысходность той ситуации, в которой оказался современный (во всяком случае, западный постхристианский) мир со своими сциентистско-технически-материалистическими обывательско-потребительскими интересами. И он раздирает в кровь и себя... и бросает кровоточащие «безобразные» куски еще живой плоти Культуры нам в лицо в своих акциях, инсталляциях, хепенингах и т.п. действиях, чтобы мы ужаснулись, встрепенулись, одумались, если еще не поздно» [Бычков, 2008, 713].

Здесь мы приходим к еще одному неожиданному аспекту, который выделяют некоторые исследователи актуального искусства. Еще в 1997 г. В.Бычков в дневниках высказал мысль,

что настоящий художник является таким же инструментом в руках Бога, каким кисть – в его, художника, руках: «...и что удивительно, в нашем веке он сам, как правило, не осознает этого и даже с бравадой отрешивается от сего» [Там же, 642]. Развивает эту тему исследователь В. Савчук: «Перформанс – производное покоя и расцвета демократии, он выполняет те функции, какие в традиционных обществах выполнял святой, дервиш, юродивый или шут». Перформанс, по мысли философа, представляет собой как бы изначальную, архаическую форму мысли. Это «форма победы над хаосом...» [Цит. по: Махлина, 2013].

Заключение

Безусловно, в православной традиции духовные корни творчества, его истоки и питающие его силы – ключевая проблема. Никто в православной среде не будет отрицать разрушительное влияние демонического начала, если художник подпадает под его действие. Но видеть в современном экспериментальном и новаторском творческом процессе только такое начало представляется слишком однозначным. В связи с этим, хотелось бы привести слова исследователя Н. Вагановой, которая вспоминает порожденное эпохой модерна великое явление Гауди, «...мастера, который, кстати сказать, становился тем более авангардным в творчестве, чем более глубоким католиком в вере. А это вселяет надежду...» [Ваганова, www].

Таким образом, актуальное искусство и его взаимоотношения с Церковью – это своеобразная «болевая точка» современного российского общества. Нужно пройти с величайшей осторожностью поистине «узким путем», чтобы нынешняя ситуация игнорирования друг друга и взаимных обид Церкви и арт-сообщества могла превратиться в конструктивный диалог. И здесь есть еще один аспект, который может сблизить стороны – это совместное противостояние глобальной медиасреде, которая одинаково нивелирует, размывает, опошляет и религиозные и художественные ценности. Современная массовая культура и медиасреда формируют своеобразную «квазирелигиозность». По мнению исследователя Д. Мельникова: «религия как бы выталкивается в сферу публичного, массового, игрового... Религиозное без религии соответствует идеалам общества потребления и комфорта. Это игра в религию, промежуточное духовное состояние, дающее иллюзию веры в высшее начало и вместе с тем ни к чему не обязывающее. Поэтому применительно к новой религиозности можно говорить о том, что массовая культура все-таки добивается своей цели, подчиняя ее своей стратегии упрощения и развлечений» [Мельников, www].

Именно такому воздействию массовой культуры на человека противится и подлинное актуальное искусство. Возможно, здесь следует искать и точки соприкосновения, и сходство позиций современного искусства и Церкви.

В качестве конкретной меры, позволившей бы в какой-то степени исправить ситуацию, хотелось бы предложить Синодальному отделу по взаимоотношениям Церкви с обществом и Патриаршему совету по культуре идею проведения конкурса произведений актуального искусства, связанных с христианской проблематикой. Это мог бы быть конкурс с хорошей денежной премией, (сопоставимой с премией Кандинского), носящий имя узнаваемого во всем мире и уважаемого как в церковной, так и в художественной среде автора (к примеру, К. Петрова-Водкина) и, возможно, имеющего международный статус. Тщательный подход к проблеме отбора, кураторства, организации, судейства и освящения этого события мог бы сделать его одним из важных и перспективных проектов как художественной жизни общества, так и миссионерской деятельности Церкви.

Библиография

1. Бычков В.В. Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века. М.: Культурная революция, 2008. 816 с.
2. Ваганова Н.А. «Оживут ли кости сии?», или Кто кого хватает... URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3197959.html>
3. Ваганова Н.А. «Труп красоты» столетие спустя. URL: <http://pstgu.ru/news/life/science/2012/04/22/36771/>
4. Гройс Б. Политика поэтики. М.: Ad Marginem, 2012. 399 с.
5. Деготь Е. Пресс-конференция 9 апреля 2009 г.
6. Керн Киприан. Антропология святого Григория Паламы. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/antropologija-svjatogo-grigor'ija-palamy/
7. Махлина С.Т. Семиотика искусства в XXI в. // Вестник СПбГУКИ. 2013. №3 (16). С.006-0148.
8. Михайлов Б. и др. За пределами «видимого диапазона». Круглый стол.
9. Мельников Д.Н. Квазирелигиозное измерение современных масс-медиа. URL: http://portalus.ru/modules/religion/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1279804782&archive=&start_from=&ucat=&
10. Николаева О.А. Православие и творчество. М.: Никея, 2012. 240 с.
11. Сосна А. Текст беседы на радио.
12. Филоненко А. Красота и возвращение реальности: новые возможности теозстетики. URL: <http://artos.name/projects/almanac/krasota-i-vozvrashhenie-realnosti-filonenko/>
13. Шмеман А., протоиерей. Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2013. 720 с.
14. Эпштейн А. Духовная брань. Борьба за новую жизнь в искусстве сакральных образов христианства. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 272 с.

15. Яхнин А. Антиискусство. Записки очевидца. М.: Книжица, 2011. 320 с.

A discussion about contemporary art in a modern Russian society: A dialogue between the Church and the art community

Raisa A. Suslova

PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanities,
Kazan National Research Technological University,
420015, 68, Karla Marksa str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: plusha131333@yandex.ru

Abstract

The work analyzes the main aspects of the dialogue of contemporary Russian art community and the Russian Orthodox Church in relation to contemporary art. Examines the history of artistic actions in modern Russia are examples of mutual interest and interaction of Christian and modern art, as well as the experience of rejection and negative reactions of the Church in works and actions, thematically overlap-ping with the Orthodox tradition. The article analyzes the main assessment and the views of the representatives of the art community, curators, art historians, and leaders of the Church in relation to contemporary art. Addresses and discusses the key points of divergence of views on contemporary art, the reasons for mutual misunderstanding and a possible convergence in the interpretation and development strategies of con-temporary art in our country. Examines the issue of media and its impact on contemporary art, remains primarily an elite phenomenon, and the institutions of the Church remaining within the tradition. The conclusion about the possibility and desirability and necessary dialogue with time of the Russian artistic elite of the Orthodox community on the basis of a deep spiritual understanding of the mechanisms and purposes of creativity in terms of total domination of popular culture.

For citation

Suslova R.A. (2017) Diskussiya ob aktual'nom iskusstve v sovremennom Rossiiskom obshchestve (dialog Tserkvi i art-soobshchestva) [A discussion about contemporary art in a modern Russian society: A dialogue between the Church and the art community]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 522-535.

Keywords

Contemporary art, actionism, the Orthodox Church, postmodern art criticism, art.

References

1. Bychkov V.V. (2008) *Khudozhestvennyi apokalipsis kul'tury. Stromaty XX veka* [Artistic apocalypse of culture. Stromats of the XX century]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.
2. Degot' E. (2009) *Press conference on April 9, 2009*.
3. Epshtein A. (2012) *Dukhovnaya bran'. Bor'ba za novuyu zhizn' v iskusstve sakral'nykh obrazov khristianstva* [Spiritual abuse. The struggle for a new life in the art of sacral images of Christianity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
4. Filonenko A. *Krasota i vozvrashchenie real'nosti: novye vozmozhnosti teoestetiki* [Beauty and the return of reality: new possibilities of the theoesthetics]. Available at: <http://artos.name/projects/almanac/krasota-i-vozvrashhenie-realnosti-filonenko/> [Accessed 07/07/2017]
5. Grois B. (2012) *Politika poetiki* [Politics of poetics]. Moscow: Ad Marginem Publ.
6. Kern Kiprian. *Antropologiya svyatogo GrIgor'iya Palamy* [Anthropology of St. Gregory Palamas]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/antropologija-svjatogo-grIgor'ija-palamy/ [Accessed 07/07/2017]
7. Makhlina S.T. (2013) Semiotika iskusstva v XXI v. [Semiotics of art in the XXI century]. *Vestnik SPbGUKI* [Herald of SPbGUKI], 3 (16), pp. 006-0148.
8. Mikhailov B. et al. *Za predelami «vidimogo diapazona». Kruglyi stol* [Outside the "visible range". Round table.].
9. Mel'nikov D.N. *Kvazireligioznoe izmerenie sovremennykh mass-media* [Quasi-religious dimension of modern media]. Available at: http://portalus.ru/modules/religion/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1279804782&archive=&start_from=&ucat=& [Accessed 07/07/2017]
10. Nikolaeva O.A. (2012) *Pravoslavie i tvorchestvo* [Orthodoxy and creativity]. Moscow: Nikeya Publ.
11. Shmeman A. (2013) *Dnevnik. 1973–1983*. [The Diaries. 1973-1983]. Moscow: Russkii put' Publ.
12. Sosna A. *The text of the conversation on the radio*.
13. Vaganova N.A. «Ozhivut li kosti sii?», ili Kto kogo khvataet... ["Will these bones come to life?", Or Who has enough...]. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/3197959.html> [Accessed 07/07/2017]
14. Vaganova N.A. «Trup krasoty» stoletie spustya ["Corpse of Beauty" a century later]. Available at: <http://pstgu.ru/news/life/science/2012/04/22/36771/> [Accessed 07/07/2017]
15. Yakhnin A. (2011) *Antiiskusstvo. Zapiski ochevidtca* [Anti-art. Notes of the eyewitness]. Moscow: Knizhitsa Publ.